

Р.В. Фурцев

Империя и территориальные государства Германии раннего Нового времени в контексте формирования европейской системы государства

В статье рассматривается комплекс проблем, связанных с процессом формирования системы государств в Европе в раннее Новое время. Особое внимание уделяется вопросам своеобразия государственно-политической и конфессиональной структуры Священной Римской империи, что позволяет правильно установить ее место и роль внутри системы.

Ключевые слова: система; политика; империя; Европа; универсализм; баланс сил.

В современных условиях европейской интеграции несомненный интерес вызывает исследование процесса политического становления и эволюции европейских государств, что неразрывно связано с изучением истории международных отношений на континенте. Благодаря глобализации вопрос о роли государства и закономерностях развития межгосударственных отношений приобретает все большую актуальность в нынешнем мире. Вопросы политического доминирования, отстаивания государственного суверенитета, а также защиты национальных интересов и сфер влияния были характерны и для европейской политики рассматриваемого периода. Государственный суверенитет не может исчезнуть сам по себе. Из суверенных государств состоит «международное общество», и именно внешняя политика является главным признаком суверенитета. Из общества государей с распространением национализма и демократии международное общество переросло в общество наций-государств. Однако это утверждение требует уточнений, поскольку участниками международных отношений являлись также многонациональные и территориальные государства, как, например, территориальные княжества Германии раннего Нового времени, а также города-государства и вообще политические единицы, обладавшие суверенитетом во внешней политике. Поэтому вряд ли стоит соглашаться с мнением относительно того, что главным актором в международных отношениях является национальное государство. Скорее такая постановка вопроса относится к современным международным отношениям, и то с некоторыми оговорками, но не к минувшим эпохам [4: с. 22].

Но и здесь есть ряд моментов, которые определенным образом влияют на функционирование системы международных отношений. Споры о при-

мате внутренней политики над внешней показали их непродуктивность, поскольку в этой полемике, прежде всего, «отражается тесная связь эндогенных и экзогенных факторов политической жизни», так как любые важные события во внутриполитической жизни любой страны так или иначе отражаются на ее международном положении, а любые важные шаги во внешней политике отражаются на состоянии внутренних дел. Так что, следует скорее говорить об их взаимном переплетении [4: с. 35–36]. При этом важно отметить роль религиозного и национального факторов. Американская исследовательница Дж. Эльстайн отмечает, что и в наше время «теоретики в области политики и международных отношений постоянно недооценивают власть религиозных убеждений и их роль в определении, формировании мировых событий, их конституирующую силу». Она же вслед за рядом других зарубежных политологов отмечает, что хотя нация и национальное государство, модель которых возникла как западная новация на основе Вестфальского мира 1648 года и распространилась затем по всему миру, занимает основное место в учебниках по международным отношениям, важность нации в категории «национальное государство» до сих пор не «уловлена» адекватно в теории международных отношений, тогда как существует острая необходимость создания теории нации-государства, могущей соединить в себе как партикуляристские, так и универсалистские императивы, поскольку «национализм есть разновидность политического партикуляризма, создающего лояльность к определенному народу» [5: с. 278–280].

Об эпохе раннего Нового времени можно говорить как о периоде преобладания религиозного самосознания на фоне усиления государственно-территориальной самоидентификации. Очевидно, что единая христианская Европа становилась Европой государств с помощью границ, административно-бюрократического управления и суверенитетов, а также в результате международной конкуренции ведущих держав, использовавших для достижения своих целей силовые методы. В итоге создавались на разных стадиях развития международных отношений раннего Нового времени комбинации из династических, конфессиональных и государственных интересов, в которых просматривались традиционные линии симпатий и антипатий, в результате чего определялось понятие «геостратегического положения». Сложное переплетение всех этих тенденций и начавшие усиливаться взаимозависимость и взаимовлияние политических единиц и государств положили основание практике международных конгрессов, которые, начиная с Вестфальского конгресса, завершившего первую общеевропейскую, т. е. Тридцатилетнюю войну 1618–1648 годов, заканчивали наиболее значительные военно-политические конфликты.

В течение XV–XVIII веков окончательно выкристаллизовываются представления о единстве Европы, что ускорялось конфронтацией с Османской империей, габсбургской универсалистской политикой, формированием составительной системы государств, борьбой европейских держав против экспансии

Людовика XIV в последней трети XVII века, а с XVIII века и осознанием европейского культурного единства. В практике международных отношений утверждаются институт постоянных дипломатических представительств и система внешнеполитических ведомств, что явилось также результатом формирования общеевропейского и начала создания мирового рынка, способствовавших усилению общности исторического процесса в масштабе всей Европы, из конгломерата государств становившейся их системой, которая придавала локальным конфликтам общеевропейское системное значение [3: с. 76].

Итальянские войны и религиозно-политические конфликты в Германии первой половины XVI века способствовали становлению в общеевропейском масштабе системы государств, изначально зародившейся еще в Италии в предшествующие два столетия. Однако этот процесс был прерван религиозными и гражданскими войнами второй половины XVI – начала XVII веков. Вторая половина XVII века отмечена формированием новой доктрины международного права, выразившейся в проведении конгрессов с целью решения спорных вопросов, возникших в результате войн. Международное право делало отношения между государствами более легитимными и регулярными, а также создавало прецеденты и накапливало опыт решения спорных проблем [2: с. 4].

Важнейшими элементами международных отношений раннего Нового времени были борьба за династический и государственный престиж, укрепление позиций государственной власти и внутреннего порядка благодаря внешнеполитическим успехам, завоеваниям не только в Европе, но и за ее пределами. Поскольку внешняя политика, за исключением разве что Великобритании и Республики Соединенных Провинций, была прерогативой государей, то она часто носила династический характер. Именно во внешней политике чаще всего проглядывали династические интересы и личные амбиции монархов [7: с. 5–6]. Так как политика монархий осуществлялась в контексте следования букве закона и традиции, то какие-либо серьезные инновации становились малоосуществимыми.

Хотя нередко утверждается, что возникновение европейской системы государств относится к середине XVII века и связано с Вестфальским миром 1648 года, по нашему мнению, целесообразнее отсчитывать процесс становления этой системы с конца XV века. Дело в том, что сформировавшаяся система политического равновесия, или, иначе говоря, баланса сил, в Италии XV века как раз представляла собой образец региональной системы государств, ставшей прообразом европейской системы государств в результате Итальянских войн. Другое дело, что теоретические принципы равновесия сил и его более широкое применение и распространение утвердились уже в ходе Тридцатилетней войны. Бесспорно, что Вестфальский мир во многом изменил международную ситуацию в Европе, создав новое соотношение сил и внося международно-правовую основу в систему международных отношений, определив государственно-политический профиль Европы Нового времени.

Характерной особенностью изучаемого нами периода является сочетание борьбы за гегемонию с равновесием сил, что было заметно уже в Италии с середины XV века, когда утвердившаяся «итальянская пентархия» в составе Милана, Венеции, Флоренции, Папского государства и Неаполитанского королевства символизировала эти две тенденции, чередовавшиеся друг с другом. В Западной и Центральной Европе начиная с XVI века велась борьба за гегемонию сначала империи при Карле V, далее Испании при Филиппе II после мира в Като-Камбрези (1559 г.) и его преемниках вплоть до Пиренейского мира 1659 года, затем за гегемонию Франции при Людовике XIV вплоть до завершения войны за «испанское наследство» (1701–1714 гг.). Противоположной тенденцией была борьба за равновесие сил, завершившаяся формированием пентархии в составе Англии, Франции, Австрии, России и Пруссии, просуществовавшей до эпохи наполеоновских войн [3: с. 80].

Хотя концепция равновесия сил была сформулирована в XVII–XVIII веках, в реальной политике она существовала еще раньше. Современный немецкий исследователь А. Штромайер, изучая возникновение и развитие этой концепции в раннее Новое время, положил в основу своей работы принцип междисциплинарных исследований, отметив ее социальный и культурно-исторический аспекты, особенно восприятие политики равновесия сил в общественном мнении, вследствие чего равновесие сил рассматривалось как сложный социальный феномен. Естественно, что концепция баланса сил являлась важнейшей в структурообразующей линии европейской системы государств и была, таким образом, с ней взаимосвязана. К тому же она оказывала большое влияние на политическую мысль и политическую практику. Это тем более важно, так как становление европейских государств в результате различных вариантов государственного строительства и экономического развития приобретало разнообразные формы [17: с. 24–25]. Следствием этого было формирование нового типа организации управления, претендующего на полноту власти (иначе — абсолютизма) и изменение структуры военных сил, становившихся опорой государства [17: с. 62–63]. А система государств позволяла удерживать международные отношения в равновесии между ведущими игроками европейской политики и являлась основой прогресса цивилизации на континенте [4: с. 170–173].

Совершенно очевидно, что становление европейской системы государств было теснейшим образом связано с формированием различных типов и форм государственности по принципу нации и королевства, т. е. дифференциации единой христианской Европы. Собственно, Западная и Центральная Европа до середины XVIII века в самом деле двигались по пути становления государств, что было проявлением необходимости, в результате чего попытки Габсбургов и папства сохранять единую католическую Европу не увенчались успехом. Однако явление, известное под названием «нация-государство», еще только находилось в стадии формирования. Поэтому соперничество Габсбургов и Валуа рассматривалось

при императорском дворе ни больше ни меньше как *bella intestina*, т. е. внутренняя война [16: с. 24–25].

Нельзя не коснуться важного, хотя нередко мало акцентированного фактора в развитии международных отношений времен Вестфальской системы, а именно коронации 18 февраля 1701 года в Кенигсберге короной прусского короля Фридриха I Гогенцоллерна (курфюрста Фридриха III), что означало легитимизацию стремления государств среднего масштаба получить статус королевства. Фридрих I использовал этот шанс для укрепления своего государства. При его преемниках, а точнее, при Фридрихе II, Пруссия усилилась настолько, что стала участником пентархии и «концерта» европейских держав, поставив под угрозу конституцию Священной Римской империи [11: с. 261–262].

Характеризуя европейскую систему государств на рубеже XVII–XVIII веков, необходимо отметить, что, преодолевая наследие универсалистских претензий Габсбургов и Людовика XIV, в начале XVIII века Европа стояла перед необходимостью создания новых международных структур. Новым «равновесием сил» в виде пентархии, а внутри Священной Римской империи австро-прусским дуализмом и Княжеским союзом 1785 года, а также разделами Польши было создано новое соотношение сил, усилившее роль великих держав. В этой связи можно привести данную немецким историком Х. Духхардтом общую характеристику Европы на рубеже XVII–XVIII веков как «континента с ускоренным движением, континента в поисках стабильности, континента, все больше и больше осознававшего отсутствие норм и механизмов в межгосударственном общении», находящегося в поисках системы механизмов разрешения конфликтов и, по крайней мере, осуществления стабильности, континента, уже видевшего надвигающийся конец «старого режима» [8: с. 13–15].

Оценивая систему европейских союзов XVIII века, Х. Духхардт выделяет в первую очередь франко-английский и австро-прусский дуализмы в качестве системообразующих факторов в европейской политике второй половины XVIII века. Среди других значимых моментов он обращает внимание на сближение Австрии и Франции, подъем России и Пруссии и дальнейший упадок Польши. При этом Х. Духхардт подчеркивает, что сам факт перегруппировок альянсов не означал, что ведущие европейские державы были готовы к сотрудничеству с целью сохранения мира. Смена же парадигм в европейской политике привела к «ниспровержению альянсов», часто называемому «дипломатической революцией» 50–60-х годов XVIII века [3: с. 87].

В период между 1763 и 1787 годами Великобритания и Россия, находившиеся в относительно неуязвимом географическом положении, оказались способными расширить свое влияние и усилить уязвимость других держав континента. В итоге практика равновесия сил привела к всеобщему кризису безопасности в Европе, имевшему тяжелые последствия для Франции, Австрии, Пруссии, Польши, Османской империи и германских государств, и продолжала подрывать ограничения Вестфальской системы, имперской конституции, австро-французского

союза и т. д. Поэтому сложившаяся система стала опасной для Франции, Австрии, Пруссии, средних и малых германских государств. Практика и техника равновесия сил в конечном счете приводили к дисбалансу, гегемонии и системному кризису. Кроме того, многие внутренние государственные и социальные факторы, а также интеллектуальные течения влияли на состояние международных отношений. А политика и практика просвещенного абсолютизма укрепили центральную власть и военную мощь, в результате ослабив традиционные нормы и ограничения в международных отношениях. Не случайно то обстоятельство, что просвещенные абсолютистские правители находились у власти в наиболее агрессивных великих державах второй половины XVIII века, т. е. России, Пруссии и Австрии, отчасти Франции, где предпринимались попытки реформ в духе просвещенного абсолютизма. Но самое любопытное заключалось в том, что эти государства в борьбе против нарушений баланса сил пользовались оружием и методами политики равновесия сил, что только усложняло решение проблемы. В конечном счете инициаторы решений Венского конгресса 1815 года вернулись к системе баланса сил, просуществовавшей до 1848 года, хотя, как видно, и дискредитировавшей себя в последней трети XVIII века.

Как полагает французский исследователь Ж. Ливе, после заключения Вестфальского мира равновесие сил испытало значительную трансформацию не только в смысле расстановки сил основных игроков, но и в смысле появления новых сил на востоке и западе Европы. Что касается европейской пентархии, то она, «хотя оставалась категорией практической и теоретической политики, не являлась во времена Старого порядка понятием науки о международном праве» [12: с. 92].

В конце XV – начале XVI века в Священной Римской империи произошли существенные сдвиги, приведшие к переходу от дуализма империи и территорий к постоянному полю напряженности между императором и имперскими институтами, с одной стороны, а с другой — интересами отдельных территорий и политических сил. Попытки проведения имперских реформ натолкнулись на противоположную тенденцию консолидации территориальных государств. Волны Реформации, имевшие политические и социальные последствия, а также международное влияние стимулировали двусмысленный разлом. Империя была вовлечена в международную политику в двойном смысле: она могла играть как роль посредницы в европейских делах, так и стать полем деятельности сильных европейских государств [3: с. 92]. В этой связи весьма актуально высказывание Ф. Броделя: «Прежде всего, Реформация сплотила страны Северной Европы. Она противопоставила их, объединенными, их конкурентам с Юга. То была немалая заслуга. Впоследствии религиозные войны оставили позади вышедшую из общности верований солидарность протестантских деловых связей, которая играла свою роль в делах, по крайней мере какое-то время, пока национальные раздоры не возобладали над любыми другими соображениями» [1: с. 580].

Конфликты между империей, католическими и протестантскими княжествами во время Реформации привели к Аугсбургскому религиозному миру 1555 года, чей сформулированный позднее принцип «чья власть, того и вера» означал не просто новый принцип имперской конституции, но и важный шаг в утверждении монополизации власти территориальных государей, а именно к расширению территориального суверенитета. Обладая теперь монополией на финансы и религию, князьям оставалось только получить суверенитет во внешнеполитических делах. Период конфессионализации второй половины XVI – первой половины XVII веков был важным этапом в этом направлении. На рубеже 80–90-х годов XVI века сошло со сцены поколение политиков и властителей, живших по принципам Аугсбургского религиозного мира. Претензии же государей, воспитанных уже в духе конфессионализации, привели в конце концов к Тридцатилетней войне [18: с. 115].

Характеризуя конфессионализацию в международных отношениях и во взаимоотношениях между империей и территориальными княжествами, немецкий ученый Х. Шиллинг отмечает, что она была первой фазой истории европейской системы государств Нового времени, во время которой усиление государственной власти и конфессионализация достигли высшей точки и совпали друг с другом. Конфессионализация господствовала в международных отношениях. Но в раннее Новое время империя представляла собой отдельную собственную систему государств, делающую зависимой от себя форму и образ европейской системы. Вестфальский мир означал прекращение религиозного дуализма, а ведущей категорией становился светский государственный интерес, базировавшийся в теории и на практике на коллективной безопасности, а также на принципе равновесия сил [3: с. 34–36].

При изучении проблемы отношений империи и территориальных государств после окончания Тридцатилетней войны и функционирования Вестфальской системы в европейском, общеимперском и германском контекстах обнаруживаются четыре проблемы, которые оживленно обсуждаются в современной историографии: 1) проблема мира и войны во время Вестфальской системы; 2) универсализм и партикуляризм; 3) европейское и имперское равновесие; 4) соотношение империи и территорий. Эти вопросы поднимаются не из праздного любопытства, а по той причине, что в Германии в течение более столетия после легитимизации германского государства в 1871 году занимал прочные позиции миф о слабости и упадке Империи и Германии после 1648 года и о «наследственном враге» Германии — Франции, подкрепляемый историей войн Людовика XIV [3: с. 93].

Касаясь проблемы соотношения мира и войны в поствестфальской Европе, Х. Шиллинг выделяет помимо общих предпосылок войны еще два важных мотива — укрепление государства и подчинение конфессии, а в качестве причин мира называет способность старой Европы к сохранению мира, секуляризацию жизни как движитель мира и характер Вестфальского мира

как европейского государственного порядка. Способность к сохранению мира он считает результатом политического прагматизма, сложившегося в процессе формирования государственности раннего Нового времени. Секуляризация, занявшая место конфессионализации в политической практике и политическом мышлении, содействовала установлению юридического регулирования политической жизни и утверждению новой политической культуры, в которой уже не находилось места религиозным спорам как первопричинам войн [15: с. 187]. Как бы уточняя эту мысль, Х. Духхардт подчеркивает, что Вестфальский мир полностью не исключал конфессиональных конфликтов, но он сделал невыносимыми их перерастание в военные столкновения. Собственно говоря, Тридцатилетняя война показала существование поликонфессиональных коалиций. Частые смены союзников и чередование партнеров стали нормой в международных отношениях согласно модели, созданной Вестфальским миром [9: с. 45–46].

Но в этой системе империя, хотя и не могла сама по себе проводить внешнюю политику (ее в данном случае необходимо отделить от комплекса родовых владений Габсбургов, именуемых чаще всего Австрийским домом), сформировавшаяся новая имперская конституция способствовала тем не менее защите империи от общих внешних врагов, т. е. Османской империи, что наиболее ярко проявилось во время осады Вены турками в 1683 году и войн Людовика XIV. Попытки короля-солнца установить гегемонию Франции в Европе разбились не только благодаря коалиции Англии, Голландии и Австрии, но и вследствие сопротивления имперских князей и сословий. Остановить развитие европейской системы государств в направлении мультиполярности не удалось [10: с. 44]. Однако время имперского патриотизма не было временем подъема национального духа в современном понимании этого слова, поскольку жители германских земель ощущали себя прежде всего бранденбуржцами, саксонцами или баварцами, вдохновляясь лишь во время общей опасности идеей империи и особенно личностью императора. В определенном смысле можно даже сказать, что империя имела более основательное правовое и оборонное единство со своей триконфессиональной церковной системой, чем какое-либо государство в самой Германии или в Европе. Вследствие чего на рубеже XVII–XVIII веков в стране — как в политическом, так и в военном плане — воцарилось относительное спокойствие [14: с. 15].

Однако все это не означает, что противоположность и противоречия между универсализмом и партикуляризмом исчезли. Просто они видоизменились, ибо с конкретизацией и идентификацией государственных интересов как господствующего понятия в отношениях между европейскими государствами средневековый универсализм и универсализм эпохи Карла V был окончательно преодолен партикуляризмом отдельных государств, прежде всего великих держав. Именно интересы держав становились преобладающими в европейской политике Нового времени. По словам Х. Шиллинга, «идеализм был побежден реализмом» [14: с. 29]. В этом смысле Вестфальский

мир имел для империи как внутривосточное, так и внешнеполитическое значение, поскольку Франции удалось остановить габсбургское окружение ее со всех сторон и разделить две линии Габсбургов. Так как для решения вопросов о войне и мире императорам надо было теперь иметь согласие рейхстага, а некоторые имперские сословия являлись субъектами международного права, то гарантии мира становились гарантиями имперской конституции, вследствие чего система равновесия на континенте трансформировалась в систему европейского миропорядка. Суть дела заключалась в том, что баланс сил внутри империи становился ядром сохранения мира в Европе, т. е. имперская система равновесия превратилась в один из ключевых элементов европейской системы баланса сил. С усилением Пруссии при Фридрихе II система внутримперского равновесия приобрела уже другое значение, поскольку его реализация в контексте австро-прусского дуализма могла повлечь за собой опасность разрушения империи, что показали война за баварское наследство 1778–1779 годов и события накануне Французской революции и наполеоновских войн. Несмотря на значительное взаимодействие, европейские державы и империя шли в европейской политике отдельными путями [6: с. 56–58].

В связи с этими явлениями существенное значение в роли элементов европейской и имперской систем государств приобретали взаимоотношения между императорами и территориальными государствами Германии. Немецкий историк Г. Эстрайх отмечает, что с Вестфальского мира Европа и империя были взаимосвязаны, а процесс разложения империи в контексте австро-прусского дуализма он рассматривал в традиционном духе возможного распада Германии на протестантский Север и католический Юг [13: с. 240]. Однако уже с 70-х годов прошлого века в историографии стал превалировать новый подход к оценке европейской политики Австрии, согласно которому империя служила Габсбургам опорой для своей политической деятельности, в первую очередь для того, чтобы эффективно использовать оставшиеся феодальные прерогативы и свое лидерство среди католических и традиционно лояльных по отношению к Австрийскому дому князей южной и юго-западной Германии, а также для осуществления контроля над имперским судом. В сущности, габсбургская политика использовала имперскую идею для содействия подъему Австрии как великой державы. Во всяком случае, это был результат понимания того обстоятельства, что централизованное государство скорее может быть создано в пределах габсбургских наследственных земель, чем успешно пользовались в своей политике такие императоры, как Леопольд I, Иосиф I и Карл VI.

При этом империя оставалась рыхлым государственным образованием. Но при всей слабости империи в ее существовании были заинтересованы соседи, поскольку любые изменения имперской конституции становились бы дестабилизирующим фактором европейской системы государств. Поэтому укрепление австрийской государственности при сохранении имперской конституции 1648 года становилось как условием мира в Европе, так и условием сохранения династии Габсбургов. Поскольку большинство имперских князей и сословий были

заинтересованы в сохранении империи именно в таком виде, то они в большинстве своем выступили во время войн Людовика XIV на стороне центральной власти. Имперская идея использовалась Веной для эксплуатации традиционных клиентел во время австро-прусского дуализма [3: с. 96]. Однако после 1740 года появился, по замечанию Х. Духхардта, не менее негативный германский дуализм. Во всяком случае в результате возвышения Пруссии императоры становились главами только одной из великих держав, а именно Австрии. Для них империя начинала играть второстепенную роль, имперская система и роль императора утрачивали свое значение, даже по сравнению со столетием после Вестфальского мира блеск императорской короны потускнел. Но пока сохранялся спорный вопрос о суверенитете между императором и имперскими сословиями, империя еще жила. Как бы в противовес дуализму стали распространяться идеи «третьей силы» или «третьей Германии», но ни она, ни Россия как гарант Тешенского мира 1779 года, ни Княжеский союз 1785 года не стали средством преодоления этого дуализма вплоть до Французской революции. Тогда же появились разного рода идеи установления европейской системы безопасности во главе с Германией, которые выдвигались в противовес Австрии ее северогерманскими оппонентами, но на основе имперской конституции. Эти идеи предусматривали превращение центра Европы в фактор стабилизации и безопасности всего континента. Сама же империя, согласно этим идеям, должна была превратиться в союз государств с центральным органом, сохраняющим мир и предотвращающим конфликты [8: с. 391].

В итоге можно определенно говорить о том, что в раннее Новое время в Европе параллельно происходило формирование европейской системы государств и имперской системы государств, которая по отношению к европейской системе, скорее, занимала положение подсистемы. Наиболее заметными их тенденциями были борьба за гегемонию в Европе и в империи и за установление равновесия сил как внутри империи, так и на всем континенте. Империя с утверждением Вестфальской системы теряла свое значение члена европейской системы государств, поскольку де-факто государством не являлась. Участниками системы великих держав становились уже Австрия и Пруссия, входившие в то же время в государственно-политическую систему империи. Распад европейской пентархии приближал конец империи, ведь она являлась в большей степени системой, регулировавшей отношения между имперскими князьями и сословиями, наиболее крупные из которых становились самостоятельными членами европейской системы государств.

Литература

1. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. Т. 2: Игры обмена. М.: Пресс, 1988. 672 с.
2. Ивонин Ю.Е. У истоков европейской дипломатии нового времени. Минск: Университетское, 1984. 307 с.
3. Ивонин Ю.Е. Универсализм и территориализм. Старая империя и территориальные государства Германии в раннее Новое время. 1495–1806. Т. 1. М.: РКонсульт, 2004. 450 с.

4. *Цыганков П.А.* Теория международных отношений. М.: Гардарики, 2003. 590 с.
5. *Эльстайн Д.* Международная политика и политическая теория // Теория международных отношений / под ред. К. Буса, С. Смита. М.: Гардарики, 2002. 362 с.
6. *Aretin, K.O. von.* Das Reich. Friedensordnung und europäisches Gleichgewicht 1648–1806. Stuttgart: Beck, 1992. 398 s.
7. *Black J.* The Rise of the European Powers 1679–1793. L.: University College London Press, 1990. 479 s.
8. *Duchhardt H.* Altes Reich und europäische Staatenwelt 1548–1806. München: Wilhelm Heyne Verlag, 1990. 579 s.
9. *Duchhardt H.* Krieg im Frieden — Frieden im Krieg. Der Dreißigjährige Krieg und das deutsche und europäische Staatensystem // Der Krieg vor den Toren. Hamburg im Dreißigjährigen Krieg 1618–1648 / hrsg. von M. Knauer und S. Tode. Hamburg: Universitätsverlag, 2000. S. 29–46.
10. *Duchhardt H.* Zwischenstaatliche Friedens- und Ordnungskonzepte im Ancien Régime: Idee und Realität // Frieden und Krieg in der Frühen Neuzeit. Die europäische Staatenordnung und die außereuropäische Welt / hrsg. von R. Asch, W. Voß und M. Wrede. München: Vorwerk, 2001. S. 37–45.
11. *Duchhardt H.* Die preußischen Nicht-Krönungen nach 1701 // Dreihundert Jahre Preußische Königskronung. Eine Tagungsdokumentation / hrsg. von J. Kunisch. Berlin: Goldegg Verlag, 2002. S. 257–262.
12. *Livet G.* L'équilibre européen de la fin du XVe siècle a la fin du XVIIIe siècle. P.: P.U.F., 1976. 297 s.
13. *Oestreich G.* Reichsverfassung und europäische Staatensystem 1648-1789 // Oestreich G. Geist und Gestalt des frühmodernen Staates. Berlin: Oldenbourg, 1969. S. 235–252.
14. *Schilling H.* Europa um 1700. Eine Welt der Höfe und Allianzen und eine Hierarchie der Dynastien, in: Preußen 1701. Eine europäische Geschichte, Essayband zur Ausstellung Preußen 1701, hg. v. Deutschen Historischen Museum und Stiftung Preußische Schlösser und Gärten Berlin-Brandenburg, Berlin: Henschel, 2001. S. 12–30.
15. *Schilling H.* Zwang zum Krieg und Fähigkeit zum Frieden. Europa zwischen Staatenbellizität, Glaubenskrieg und Friedensfähigkeit // Annali dell' Instituto storico italo-germanico in Trento. T. XXVII, Bologna: Mulino, 2001. S. 187–203.
16. *Schilling H.* Europa zwischen Krieg und Frieden // Idee Europa. Entwürfe zum «Ewigen Frieden». Ordnungen und Utopien für die Gestaltung Europas von der pax romana zur Europäischen Union / Hrsg. von M.-L. von Plessen. Berlin: Beck, 2003. 321 s.
17. *Strohmeyer A.* Theorie der Interaktion. Das europäische Gleichgewicht der Kräfte in der frühen Neuzeit. Wien-Köln-Weimar: Oldenbourg, 1994. 276 s.
18. *Zeeden E.* Das Zeitalter der Glaubenskämpfe (1555–1648). Stuttgart, Ernst Wasmuth Verlag, 1970. 402 s.

Literatura

1. *Brodel' F.* Material'naya civilizaciya, e'konomika i kapitalizm XV–XVIII vv. T. 2: Igrы' obmena. M.: Press, 1988. 672 s.
2. *Ivonin Yu.E.* U istokov evropejskoj diplomatii Novogo vremeni. Minsk: Universitetskoe, 1984. 307 s.
3. *Ivonin Yu.E.* Universalizm i territorializm. Staraya imperiya i territorial'nye gosudarstva Germanii v rannee Novoe vremya. 1495–1806. T. 1. M.: RKonsul't, 2004. 450 s.
4. *Czy'gankov P.A.* Teoriya mezhdunarodny'x otnoshenij. M.: Gardariki, 2003. 590 s.

5. *E'lstajn D.* Mezhdunarodnaya politika i politicheskaya teoriya // Teoriya mezhdunarodny'x otnoshenij / pod red. K. Busa, S. Smita. M.: Gardariki, 2002. 362 s.
6. *Aretin, K.O. von.* Das Reich. Friedensordnung und europäisches Gleichgewicht 1648–1806. Stuttgart: Beck, 1992. 398 s.
7. *Black J.* The Rise of the European Powers 1679–1793. L.: University College London Press, 1990. 479 s.
8. *Duchhardt H.* Altes Reich und europäische Staatenwelt 1548–1806. München: Wilhelm Heyne Verlag, 1990. 579 s.
9. *Duchhardt H.* Krieg im Frieden — Frieden im Krieg. Der Dreißigjährige Krieg und das deutsche und europäische Staatensystem // Der Krieg vor den Toren. Hamburg im Dreißigjährigen Krieg 1618–1648 / hrsg. von M. Knauer und S. Tode. Hamburg: Universitätsverlag, 2000. S. 29–46.
10. *Duchhardt H.* Zwischenstaatliche Friedens- und Ordnungskonzepte im Ancien Régime: Idee und Realität // Frieden und Krieg in der Frühen Neuzeit. Die europäische Staatenordnung und die außereuropäische Welt / hrsg. von R. Asch, W. Voß und M. Wrede. München: Vorwerk, 2001. S. 37–45.
11. *Duchhardt H.* Die preußischen Nicht-Kronungen nach 1701 // Dreihundert Jahre Preußische Königskronung. Eine Tagungsdokumentation / hrsg. von J. Kunisch. Berlin: Goldegg Verlag, 2002. S. 257–262.
12. *Livet G.* L'équilibre européen de la fin du XVe siècle a la fin du XVIIIe siècle. P.: P.U.F., 1976. 297 s.
13. *Oestreich G.* Reichsverfassung und europäische Staatensystem 1648-1789 // Oestreich G. Geist und Gestalt des frühmodernen Staates. Berlin: Oldenbourg, 1969. S. 235–252.
14. *Schilling H.* Europa um 1700. Eine Welt der Höfe und Allianzen und eine Hierarchie der Dynastien, in: Preußen 1701. Eine europäische Geschichte, Essayband zur Ausstellung Preußen 1701, hg. v. Deutschen Historischen Museum und Stiftung Preußische Schlösser und Gärten Berlin-Brandenburg, Berlin: Henschel, 2001. S. 12–30.
15. *Schilling H.* Zwang zum Krieg und Fähigkeit zum Frieden. Europa zwischen Staatenbellizität, Glaubenskrieg und Friedensfähigkeit // Annali dell' Instituto storico italo-germanico in Trento. T. XXVII, Bologna: Mulino, 2001. S. 187–203.
16. *Schilling H.* Europa zwischen Krieg und Frieden // Idee Europa. Entwürfe zum «Ewigen Frieden». Ordnungen und Utopien für die Gestaltung Europas von der pax romana zur Europäischen Union / Hrsg. von M.-L. von Plessen. Berlin: Beck, 2003. 321 s.
17. *Strohmeyer A.* Theorie der Interaktion. Das europäische Gleichgewicht der Kräfte in der frühen Neuzeit. Wien-Köln-Weimar: Oldenbourg, 1994. 276 s.
18. *Zeeden E.* Das Zeitalter der Glaubenskämpfe (1555–1648). Stuttgart, Ernst Wasmuth Verlag, 1970. 402 s.

R. V. Furtsev

The Empire and the Territorial States of Germany in the Early Modern Period in the Context of the Formation of the European System of States

The article considers the complex of problems connected with process of formation of the system of states in Europe in the early modern period. Special attention is paid to questions of identity of state, political and confessional structure of the Holy Roman Empire, what allows to define the place and role of Empire within the system in the right way.

Keywords: system; politics; empire; Europe; universalism; the balance of powers.